

Светлой памяти
архитектора-реставратора
Тамары Викторовны Гладенко

ЦЕРКОВЬ СПАСА В СТАРОЙ РУССЕ — СОВРЕМЕННОЦА НЕРЕДИЦКОГО ХРАМА

Несмотря на многострадальную историю, Старой Руссе повезло с архитектурным наследием. Здесь сохранилось более десятка выдающихся памятников культового зодчества XII—XIX вв. Для города с населением 40 тыс. человек это немало. Но древнему городу не повезло с другим: квалифицированных публикаций по памятникам архитектуры Старой Руссы практически нет. Имеющиеся популярные работы, написанные неспециалистами, содержат минимум информации, который кочует из одного издания в другое, нередко встречаются ошибки или непонимание специфических фактов. До 1960-х годов такое положение можно было оправдать слабой источниковой базой по истории и культуре Старой Руссы. Однако в 1960-е годы проведены изучение и реставрация почти всех памятников города, и в ходе этих работ получены весьма интересные материалы, которые до сих пор не оценены по достоинству и не опубликованы. Правда, в последние годы появляется все больше серьезных статей, где упоминается древнейшая в городе церковь Спаса, но именно упоминается, приводимые в них сведения весьма фрагментарны. По сути дела храм не введен в научный оборот. А между тем это один из наиболее интересных памятников на Новгородской земле: он содержит в себе массу ценнейшей информации о развитии зодчества в данном регионе, да и в целом в России. Опираясь на реставрационные материалы, используя также достижения искусствоведения последних десятилетий, мы попытались в настоящей статье более подробно рассмотреть историю, архитектуру и метод реставрации древнейшего здания Старой Руссы.

Обе каменные церкви Спаса (в Русе¹ и на Нередице) сооружены в один год, за один сезон. Хронологически совпадают у этих храмов и некоторые строительные этапы: оба были перестроены в середине XV в., в 1610—1620-е годы и в XIX в. Как можно предполагать, во многом была близка и их первоначальная архитектура. Но при этом и в строительной истории, и в архитектурной типологии у них имелось много различий, порой принципиальных, да и в целом судьба памятников сложилась по-разному. Поэтому крайне интересно проследить биографию старорусского храма в сравнении с Нередицей.

¹ Мы используем исторические названия города: до начала XVI в. — «Руса», с XVI в. до XVIII в. — «Старая Руса», позднее — «Старая Русса». См.: *Медведев А. Ф. Из истории Старой Руссы // СА. 1967. № 3. С. 266.*

1. **Первый строительный период (XII в.).** Самое раннее известие о церкви Спаса (и вообще о культовых постройках Русы) летопись помещает под 1192 г.: «В то же лето в Русе срубилша церковь на острове, Мартурии игумен, в имя святого Преображения, и створи монастырь, и бысть прибежище кръстьяном». ² Для сопоставления укажем, что близ Новгорода в это же время инок Варлаам строит каменную церковь Спаса и основывает Хутынский монастырь, а на Сильнице закончено сооружение каменного храма Петра и Павла. Информация летописи подтверждена натурными исследованиями: остатки деревянной церкви в виде слоя пожарища были обнаружены в шурфах у стен существующего памятника. ³ Не совсем понятно в летописном сообщении именование Мартирия игуменом в момент основания монастыря; обычно частное лицо, строителя первой постройки, давшей начало обители, источники называют иноком (например, Варлаам Хутынский). ⁴ Личность Мартирия весьма интересна, но сведений о нем немного. Несмотря на то что Мартирий (Рушанин) достиг высших титулов (инок — игумен — архиепископ), погребен в Софийском соборе, а позднее канонизирован, мы крайне мало знаем о его жизни: неизвестны его происхождение, год рождения, род занятий до 1192 г., не совсем понятны причины избрания его владыкой, а затем — канонизации.

Как бы то ни было, после смерти в 1193 г. архиепископа Гавриила на владычную кафедру по жребию избран Мартирий Рушанин. ⁵ Он продолжил довольно активную строительную деятельность предшествующих архиереев и не забыл об основном им монастыре в Русе. Деревянный храм сгорел во время одного из пожаров, вероятно в 1194 г., когда «Руса погоре». ⁶ Под 1198 г. летопись сообщает о сооружении каменной постройки: «Заложи церковь камяну в Русе святого Преображения боголюбивыи архиепископ Мартурии; нацъша делати месяца мая в 21, на святую цесарю Костянтину и Елены, а концъша месяца июля в 31, на святыя Улиты; и святи церковь на Успение святеи Богородицы, и створи праздьник четьн и службу створи...». ⁷ Вслед за этим текстом, под тем же годом, следует информация о смерти двух сыновей князя Ярослава Владимировича, возведении последним храма на Нередице, а затем о закладке неким Еревшей каменной церкви Ильи на Холме (на Славне). На следующий год оба эти храма — на Нередице и в Русе — были расписаны фресками. ⁸

² НПЛ. С. 40.

³ Архив. НФИ «СПР». Р-2073: Спасо-Преображенский монастырь в г. Старая Русса. Комплексные научные исследования. Т. 2. Кн. 3. Ч. 1 (Шурфы). 1986 г. Шурф № 8 (далее: Комплексные научные исследования).

⁴ Существует предположение, что Мартирий получил сан игумена в одном из новгородских монастырей, затем вернулся на родину, в Русу, и основал новую обитель, будучи игуменом (Сергий, иером. Летопись Старорусского Спасо-Преображенского переклассного мужского монастыря... Новгород, 1896. С. 1).

⁵ НПЛ. С. 40.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ Там же. С. 43.

⁸ Там же. С. 44.

Как видно из летописи, строительные работы в 1198 г. велись одновременно на двух объектах (под Новгородом и в Русе), т. е. действовали две артели каменщиков, и проведены они за один сезон, примерно за три месяца. Это чисто новгородский феномен «скоростного», «срочного» строительства, не характерный для других регионов. Разделение одной строительной артели на две самостоятельные единицы произошло, судя по источникам, в 1196 г.⁹ Объяснить эти невиданные темпы работ можно, видимо, большим опытом и высокой квалификацией мастеров, изобилием местного строительного материала (ракушечник, плитняк), хорошей организацией, условиями заказа. Как будет показано ниже, строители применяли экономичную технологию (например, неглубокие упрощенные фундаменты), что, однако, не повлияло на прочность зданий.

В XV в. древняя церковь была разобрана и «на старой основе» сооружена заново. Как показали натурные исследования (Т. В. Гладенко, 1960-е годы; В. А. Попов, 1984 г.), кладка XII в. сохранилась в нижней части, в основном ниже уровня дневной поверхности (рис. 1).

В силу объективных причин изучение домонгольского памятника проведено далеко не полностью: исследования велись параллельно с инженерными и строительными работами и не могли затягиваться, площадь шурфов была строго ограничена, не хватало средств. Поэтому полученные материалы фрагментарны, не дают целостной картины, однако и на основе имеющейся информации можно составить представление о постройке Мартирия.

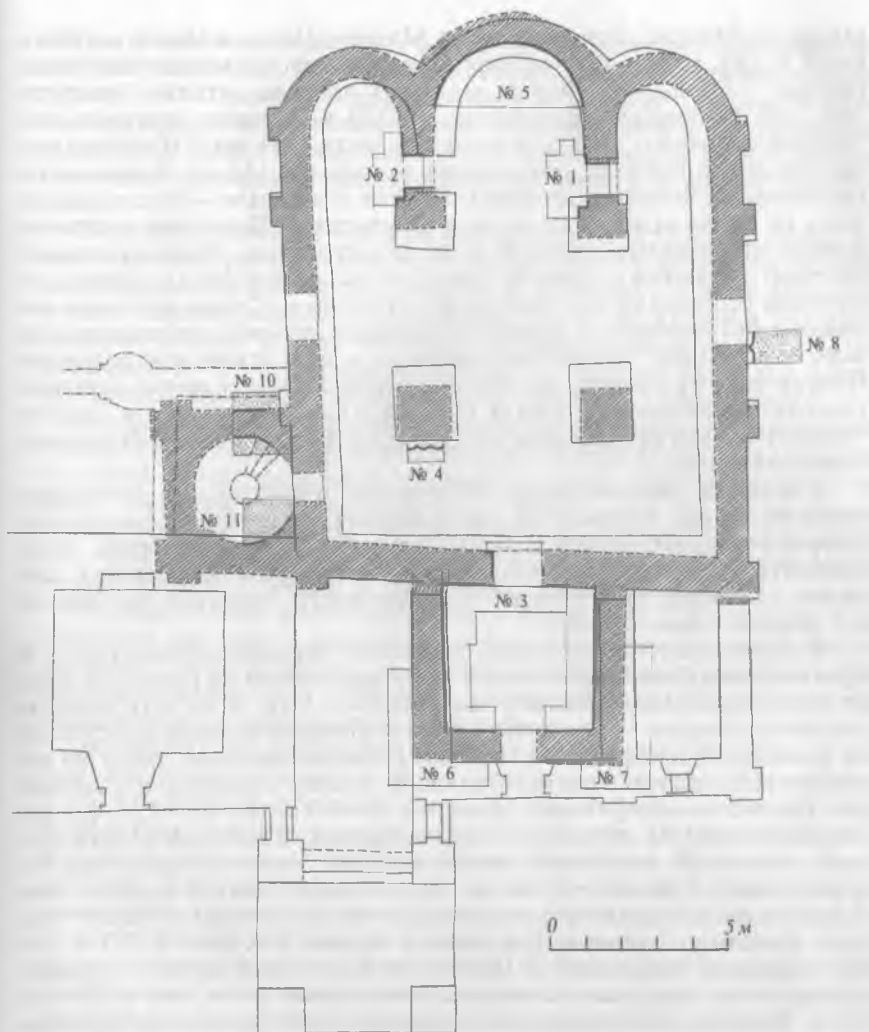
Т. В. Гладенко было заложено 7 шурфов — три внутри, в алтарной части, один у северо-западного столба, один снаружи у центральной трети западной стены, два в притворе. В 1984 г. В. А. Попов заложил еще 3 шурфа снаружи (у южной стены и в западной трети северной стены). Результаты оказались весьма интересными, порой неожиданными.

Первоначальная кладка сохранилась на высоту от 80 до 180 см от основания фундамента. По основным типологическим признакам церковь Спаса органично вписывается в круг домонгольских памятников. Это была средних размеров трехапсидная четырехстолпная постройка с западным притвором, с трехчастным членением фасадов лопатками. Установлено, что внутренний контур стен алтарной части в XII в. был несколько иным: центральная апсида имела больший радиус на 40—50 см, жертвенник (вероятно, и диаконник), напротив, был более узким (см. план).¹⁰ Определена первоначальная форма восточных столбов — они были Т-образными в плане, с закрестьями на восточных углах, несколько меньше в сечении, чем в настоящее время.¹¹ Подобная форма восточных опор довольно широко применялась в Новгороде (собор Антониева монастыря, церкви Благове-

⁹ Булкин В. А. Архитектурно-строительная ситуация в Новгороде конца XII — начала XIII в. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры. Л., 1987. С. 219.

¹⁰ Архив НДП «СПР». Р-925: Гладенко Т. В. Научный отчет о проведенных научно-исследовательских и реставрационных работах по памятнику архитектуры XII—XV—XVII вв. ц. Преображения Спасского монастыря в г. Старая Русса. 1974 г. С. 23.

¹¹ Там же. С. 22, 26.

— план существующих стен XV—XVII вв.	■ — предполагаемый план церкви к XII в.
— раскопанные участки стен и фундаментов церкви 1198 года (исследования Т. В. Гладенко 1960-е гг.)	--- — фундаменты ризницы XVIII в.
— предполагаемые станы XII в.	□ — шурфы 1984 г.

Рис. 1. Совмещенный план церкви Спаса XII—XVII вв. с показом шурфов.
Чертеж В. А. Попова. 1985 г.

щения на Мячине, Воскресения на Мячине, Петра и Павла на Сильнице и др.), хотя в этот же период встречаются и иные типы (квадратные, Г-образные). Форма западных столбов осталась неизвестной, они полностью переложены в XVII в. Толщину древних стен удалось промерить только в западной части (106 см).¹² Найдены следы западного портала, его ширина составляла 132 см. Вопрос о существовании боковых порталов остается открытым — исследования здесь не проводились или не дали результатов. Получены надежные данные по древнему притвору и его перестройкам. Первоначальный притвор примыкал к средним лопаткам западного фасада храма, его размеры составляли 4,21 (по оси В—З) × 4,06 м. Стены притвора выложены без перевязи с кладкой основного объема, сохранились на высоту до 80 см.¹³ Каменные притворы в домонгольском зодчестве Новгорода не редкость, значительное число храмов имело дополнительную пристройку с запада (церкви Успения и Спаса в Ладогге, Успения в Аркажах, Иоанна на Опоках 1184 г., Спаса на Нередице, Пантелеймона).

В шурфах неоднократно встречались пятиугольные лекальные кирпичи-зубцы, похожие на антониевские, нередицкие, ладожские. Скорее всего, это деталь карниза закомар. Г. М. Штендером доказано, что большинство домонгольских памятников завершались карнизом из одного ряда зубцов.¹⁴ Судя по всему, таким же был карниз и у церкви Спаса в Русе.

В нескольких местах храма выявлены первоначальные полы. В притворе они были кирпичными: непосредственно на гумусный слой нанесен цемяночный раствор толщиной 4—5 см, и на него плашмя уложены плинфы.¹⁵ В основном объеме устройство пола проследить не удалось. В алтарной части были сделаны нарядные полы из керамических плиток с цветной поливой на слое цемяночного раствора. Плитки — квадратные, размером 10—11 × 10—11 × 1,5—2,5 см, весьма похожи на нередицкие; зафиксировано 6 колеров поливы (белый, лимонный, кремовый, светло-зеленый, темно-зеленый, красно-коричневый).¹⁶ Вообще полы из керамических плиток применялись в древнерусской архитектуре довольно часто, начиная с самого первого каменного храма — Десятинной церкви в Киеве. В XII в. это был основной тип пола.¹⁷ В Новгороде были иные вкусы, и керамические полы здесь использовались значительно реже, чем в Южной Руси. В фондах Новгородского музея представлены цветные керамические плитки пола целого ряда памятников с XII в. до XVII в. Из домонгольских храмов такие полы имели Софийский собор (пол XII—XIII вв.), церкви Благовещения на Городище, Спаса на Нередице и в Русе. Все перечисленные постройки, кроме последней, являются княжескими. Видимо, эффектные, нарядные полы из цветных

¹² Там же. С. 24.

¹³ Там же. С. 6.

¹⁴ Архив НДП «СПР». Р-2249: Церковь Спаса на Нередице. Эскизный проект. Т. 3. Кн. 3. Штендер Г. М. Пояснительная записка к проекту реставрации. 1987 г. С. 33—35.

¹⁵ Гладенко Т. В. Научный отчет... С. 7.

¹⁶ Там же. С. 22, 26.

¹⁷ Раппопорт П. А. Строительное производство древней Руси X—XIII вв. СПб., 1994. С. 96—97.

плиток свидетельствовали об особом значении храма и высоком положении заказчика, выражали некоторый «аристократизм» архитектуры (Г. М. Штендер). Следовательно, Мартирий тем самым хотел подчеркнуть исключительную роль и значительность постройки как главного и единственного каменного храма города, своего детища. Ниже мы приведем дополнительные аргументы в пользу этого тезиса.

Получены очень интересные материалы об устройстве новых полов в церкви Спаса после одного из пожаров:¹⁸ в алтаре были вновь использованы керамические плитки, а в шурфе у северо-западного столба зафиксированы оригинальные полы из крупной гальки — большие плитки розоватого цвета размером примерно 30 × 20 см, толщиной 3—3,5 см, приближающиеся по форме к квадрату, уложены на слой известкового раствора по песчаному основанию.¹⁹

В центральной апсиде обнаружены остатки древней кладки синтрона. От архиерейского трона сохранился постамент в виде сегмента, обращенного выпуклой стороной в алтарь. Основание его (ширина) составляет 193 см, выступ от стены — до 121 см, в высоту кладка уцелела до 31 см. Рукава синтрона (скамьи) выступают от стен на 40 см, в высоту сохранились до 43 см. Кладка выложена из тонких блоков красного и серого известняка и плинфы.²⁰

Перечисленные выше особенности памятника XII в. в общем характерны для своего времени и не выходят за рамки новгородской архитектурной традиции. Но натурные исследования выявили также несколько необычных, странных, уникальных для Новгорода композиционных и конструктивных приемов.

Во-первых, не совсем понятное устройство фундаментов. В разных местах они сложены из различного материала. По данным Т. В. Гладенко, в алтарной части, у западной стены и у притвора фундаменты в привычном смысле отсутствуют. Перед строительством были вырыты неглубокие траншеи (от 29 до 48 см) и на материковую глину уложены два ряда крупного красного или серого ракушечника на цементном растворе (светло-кремового цвета с незначительным процентом крупной кирпичной крошки). Выше идет кладка собственно стен из более мелких блоков красного и серого ракушечника и плинфы на цементном растворе с большим количеством кирпичной крошки. С наружной и внутренней сторон к стенам сделаны подсыпки, которые как бы дополнительно «заглубляют» фундамент. Однако под северо-западным столбом имеется обычный фундамент из двух рядов бутового камня на цементке глубиной 82 см.²¹ По данным В. А. Попова, такая же конструкция фундамента зафиксирована в шурфе у средней части южной стены церкви: два ряда крупных валунов на цементке общей высотой 90—95 см, причем уложены они без устройства траншеи, прямо на

¹⁸ Дата пожара не установлена. В газетной публикации Т. В. Гладенко относит эти полы к времени Евфимия (Возрождение из руин // Новгородская правда. 1970. 23 сент. № 223), но в научном отчете датирует более ранним периодом.

¹⁹ Гладенко Т. В. Научный отчет... С. 24, 26—27.

²⁰ Там же. С. 23.

²¹ Там же. С. 24, 26.

тонкий (4—5 см) культурный слой.²² Наконец, в двух шурфах у западной части северной стены встречен третий тип фундамента — под лестничной башней (о башне см. ниже): 2—3 ряда серого тесаного известняка (ракушечника) на прочном известковом растворе без добавления кирпичной крошки.²³ Нетрадиционные фундаменты, в которых использован не специальный бутовый камень, а стеновой материал (известняк, песчаник, кирпич), встречаются, но нечасто, в основном в южных регионах: в церкви Василия в Овруче (конец XII в.) — из плинфы и кирпичного боя на цемянке, в церкви Параскевы Пятницы в Чернигове (конец XII—начало XIII в.) — из песчаника на цемянке, в церкви Гнилецкого монастыря близ Киева — из кирпичного боя насухо. Известны также немногочисленные примеры неглубоких фундаментов с подсыпкой (церкви XII в. на Рву и на Нижнем замке в Полоцке).²⁴ В Новгороде же подобный случай уникален.

В. А. Попов полагает, что «небольшая глубина фундамента памятника XII в. способствовала, по-видимому, обрушению его в XV в. и перестройке в XVII в.»²⁵ С этим трудно согласиться полностью. Сведений об обрушении храма нет, а его разборка в XV в. объясняется общим характером строительной деятельности Евфимия II (см. ниже). Напротив, возведение храма в XV в. «по старой основе» свидетельствует о хорошем состоянии фундаментов. Перестройка памятника в XVII в. также не говорит о ненадежности оснований: в этот период перестроено большинство новгородских храмов независимо от типа фундаментов. Учитывая, что здание дошло до нас без замены или усиления фундаментов, нужно признать их упрощенную конструкцию в данном случае довольно удачной, выдержавшей испытание временем.

Вторая особенность памятника — необычная объемно-пространственная и плановая структура, которая сложилась в результате возведения лестничной башни. Остатки ее обнаружены, можно сказать, случайно. Т. В. Гладенко в 1960-е годы не задавалась вопросом о наличии или отсутствии хор в храме и способе подъема на «полати». В 1984 г. у западной трети северной стены храма снаружи В. А. Поповым были заложены два шурфа для обследования фундаментов. В них открылись фрагменты домонгольской кладки, выложенной вперевязь со стеной основного объема. Кладка сохранилась на высоту до 120 см от подошвы фундамента, состоит из нерегулярно чередующихся рядов красного и серого ракушечника и плинфы на цемянке. находка атрибутирована как лестничная башня XII в. Несмотря на плохое состояние кладки, удалось определить некоторые габариты башни: внутри она была круглой, диаметром 290 см, снаружи, вероятно, прямоуголь-

²² Комплексные научные исследования. (Шурфы). Шурф № 8. См. также статью В. А. Попова в наст. сборнике.

²³ Там же. Шурфы. № 10, 11.

²⁴ *Раппопорт П. А.* 1) Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. С. 27, 44, 95; 2) Строительное производство... С. 68—69, 73.

²⁵ Архив НДП «СПР». Р-2295: Спасо-Преображенский монастырь в Старой Руссе. Краткие годовые отчеты о реставрационных работах за 1984—1986 гг. С. 12 (далее: Краткие годовые отчеты о реставрационных работах за 1984—1986 гг.).

ной.²⁶ Открытие крайне интересное, заставляющее по-новому взглянуть на многие важные проблемы эволюции древнерусского зодчества — соотношение новаторства и архаизмов, роль заказчика, связь архитектуры с идеологией.

В XII—XIII вв. почти все храмы имели хоры. Исключение составляют только церковь Спаса Мирожского монастыря во Пскове и церковь Рождества в Перыни; у нескольких зданий этот вопрос не выяснен из-за больших утрат (церкви Кирилла, Пантелеймона, Никольского монастыря в Ладого), но, судя по некоторым признакам, и здесь были хоры. В домонгольский период существовало три способа подъема на хоры: по винтовой лестнице в специальной башне, по внутренней лестнице и по переходу из примыкающих или близко стоящих зданий. Последний способ в Новгороде практически не применялся и предполагается только в Никольском соборе (но и здесь во второй половине XII в. была устроена винтовая лестница). Лестничные башни характерны для раннего периода развития русского зодчества (XI—первой трети XII в.). В Новгороде это, как правило, большие княжеские соборы: Софийский, Благовещенский на Городище, Георгиевский, Рождественский Антониева монастыря (единственная не княжеская постройка). В 1130-е годы появляются внутрстенные лестницы, ставшие с этого времени традиционным элементом культовой архитектуры (первый пример такого решения — Ивановский собор близ Пскова, около 1136 г., возможно, также церковь Успения на Торгу в Новгороде 1135 г.);²⁷ в южных регионах лестничные башни исчезают примерно в это же время.²⁸ В дальнейшем башни появляются лишь в виде исключения, связанного, вероятно, с особыми условиями заказа.

За период после 1136 г. нам известны лишь 4 подобных случая: церковь в Волковыске (примерно вторая половина XII в.), церковь Василия в Овруче (1190-е годы), собор Бориса и Глеба в новгородском Детинце (1167—1173 гг.) и церковь Спаса в Русе. Каждый из этих памятников примечателен и в архитектурном, и в историческом отношении. Меньше всего мы знаем о церкви в Волковыске: храм не достроен, работы были прекращены на стадии возведения фундаментов. Он задуман как довольно большая шестистолпная постройка с квадратной лестничной башней у юго-западного угла.²⁹ Церковь Василия в Овруче — одно из наиболее ярких произведений русского зодчества XII—XIII вв. Это патрональный храм, поставленный киевским князем Рюриком Ростиславичем в своей вотчине. Постройка значительная по размерам (21,8 × 16,3 м), богато декорирована, вероятно, первоначально имела золоченую главу, западный, главный фасад фланкирован двумя выступающими вперед гранеными лестничными башнями, в чем можно видеть подражание киев-

²⁶ Краткие годовые отчеты о реставрационных работах за 1984—1986 гг... С. 12; Комплексные научные исследования... (Шурфы). Чертеж № 6246. Подробнее см. ст. В. А. Попова в настоящем сборнике.

²⁷ Штендер Г. М. Архитектура Новгородской земли XI—XIII веков: Автор. дисс. канд. архитектуры. Л., 1984. С. 10.

²⁸ Ратнопорт П. А. Строительное производство... С. 87.

²⁹ Ратнопорт П. А. 1) Русская архитектура... С. 104, 123; 2) Строительное производство... С. 87.

ской Софии.³⁰ Собор Бориса и Глеба не сохранился, известен по упоминаниям в источниках, изображениям и археологическим раскопкам. Памятник во многом загадочен, немало вопросов вызывает личность самого заказчика — Сотко Сытинича. Храм был монументальной шестистолпной постройкой с квадратной лестничной башней у юго-западного угла, явно ориентирующейся на княжеские соборы начала XII в.³¹ По мнению В. Л. Янина, есть основания считать церковь Сотко кончанским храмом Прусской улицы и шире — Людина конца, а с конца XIII в. она приобретает статус общегородского собора.³² Нам кажется, это яркий пример отражения социально-политических процессов в архитектуре: борьба боярства с князем, усиление местной аристократии и ее претензий на власть проявились в сооружении кончанского храма по образцу княжеских соборов, в появлении архаизирующих форм, прежде всего — лестничной башни. Среди перечисленных зданий церковь Спаса имеет наименьшие размеры и, видимо, наиболее позднюю датировку, поэтому обнаружение здесь лестничной башни явилось полной неожиданностью. Использование в Русе этой «престижной» архитектурной формы можно объяснить обстоятельствами строительства и личностью заказчика. Совершенно ясно, что храм для Мартирия и для города имел особое значение. Из летописей следует, что до 1371 г. в Русе была лишь одна церковь. Значит, она была не только главной постройкой монастыря, но, видимо, и всего города, т. е. служила городским собором. Владыка не забывал Русу и основанный им монастырь. Отстроил каменный храм, расписал его фресками, и, вероятно, он же был инициатором строительства городских укреплений в 1199 г. («в Русе город обложиша».)³³ Угадывается желание архиепископа создать храм не хуже, чем в Новгороде, — отсюда его сравнительно большие размеры в плане, лестничная башня, как у знаменитых новгородских храмов, цветные керамические полы, как у княжеских Софийского и Благовещенского соборов, церкви на Нередице. Во многих архитектурных формах постройки Мартирия видно стремление к «величию», парадности, репрезентативности.

Анализ типологической схемы и плановых размеров памятников XII в. показывает, что архитектура церкви Спаса ближе всего к собору Антониева монастыря: почти точно совпадают их основные габариты (ширина, размер подкупольного квадрата и, следовательно, диаметр барабана), ритм лопаток южного и северного фасадов, форма восточных столбов, размещение лестничной башни. Не исключено, что Мартирий сознательно ориентировался на это здание, взяв его за образец. В этом можно усмотреть акт уважения, почитания Антония Римлянина — одного из основателей новгородского монашества. С другой стороны, собор Антониева монастыря долго служил источником новых архитектурных форм и решений.³⁴ И одно

³⁰ Раппопорт П. А. Церковь Василия в Овруче // СА. 1972. № 1. С. 82—97.

³¹ Штендер Г. М. Архитектура Новгородской земли... С. 13.

³² Янин В. Л. Церковь Бориса и Глеба в новгородском Детинце // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 123—135.

³³ НПЛ. С. 45.

³⁴ Штендер Г. М. Архитектура Новгородской земли... С. 13.

из главных достижений зодчего, строившего для Антония, — создание выразительной, устремленной ввысь композиции при небольших плановых размерах.

Если наши рассуждения верны, то можно предполагать подобную композицию и у церкви Спаса в Русе; однако этому противоречит факт неглубокого заложения фундаментов. Все сохранившиеся в Новгороде лестничные башни увенчаны главой, а в Юрьеве и Антониеве над южной частью хор поставлена дополнительная глава, уравнивающая завершение башни. Возможно, что такое же решение было применено и в Спасском храме. Но даже если дополнительные главы отсутствовали, объемно-пространственная композиция памятника была своеобразной и впечатляющей: сочетание сравнительно большого притвора и лестничной башни (уникальный случай в русской архитектуре) создавало интересную игру объемов, множество неожиданных ракурсов.

Т. В. Гладенко предполагает у церкви Спаса разновысокие апсиды (боковые пониженные). Ее аргументы — аналогия с Нередицей, где боковые алтарные выступы понижены до половины высоты центрального и устройство разновысоких апсид при возведении храма «по старой основе» в XV в.³⁵ Нам представляются эти аргументы не вполне убедительными. Если говорить о близости архитектурных форм памятников одного времени, то церкви в Русе ближе всего по типологии и характеру планового решения не Нередица, а храм Петра и Павла на Сильнице (1185—1192 гг.), у которого апсиды одинаковы по высоте. Устройство пониженных боковых апсид в XV в. объясняется изменением завершения фасадов — появившееся трехлопастное завершение просто диктовало уменьшение высоты боковых апсид. Таким образом, для конкретных суждений о высоте алтарных выступов или других высотных размерах нет оснований. Сохранившиеся фрагменты памятника XII в. недостаточны для убедительной реконструкции.

Первоначальный материал кровли не установлен. По аналогии с большинством домонгольских храмов можно предполагать свинцовое покрытие.

2. Второй строительный период (XV в.). Через два с половиной века после своего освящения церковь Спаса, видимо, пришла в ветхость, была разобрана и возведена вновь. Летопись сообщает: «Того же лета (6950 — 1442 г. — В. Я.) постави боголюбивый архиепископ новгородчкый владыка Еуфимей святого Спаса Преображение в Русе, на старой основе, а быша пособници новгородци и рушани; и свершена бысть септября месяца в 13 день... и свяща ю сам на праздник Въздвигения чьстнаго креста...».³⁶ (14 сентября. — В. Я.) Из текста следует, что снова, как и в XII в., применен «скоростной» способ строительства, за один летний сезон. Видно, что заказчик спешит: 13 сентября закончены строительные работы, а на следующий день храм освящен (впрочем, поспешность, вернее оперативность, характерна для этого деятельного иерарха). Вскоре церковь

³⁵ Гладенко Т. В. Научный отчет... С. 28, 40.

³⁶ НПЛ. С. 422.

была расписана фресками; летопись умалчивает об этом, но данный факт установлен в процессе реставрационных работ.

Натурные исследования показали, что древняя постройка разобрана почти до земли и на старых фундаментах и остатках стен возведена вновь в иных формах, характерных для данного периода. Здание XII в. продиктовало лишь плановое решение, хотя оно было скорректировано и не совсем точно повторило контур домонгольской постройки: несколько изменились очертания апсид, размеры и форма восточных столбов, западная стена утолщена на 40 см за счет внутренних размеров (данные по другим стенам отсутствуют, вероятно, изменена и их толщина).³⁷ Лестничная башня разобрана полностью. Притвор также выстроен заново, в общем сохранив свои габариты в плане (здесь стены утолщены с наружной стороны).³⁸ Четверик стал двухэтажным, междуэтажное перекрытие выполнено из деревянных плах шириной 29—32 см, заделанных в кладку (найлены четкие отпечатки плах).³⁹ Это наиболее ранний, точно зафиксированный пример устройства подцерковья в новгородских храмах.⁴⁰ Восточные столбы получили переменное сечение: в уровне первого этажа они квадратные (160 × 160 см), выше — круглые, диаметром 150 см. Западные столбы в кладке XV в. не сохранились; автор исследования полагает, что их форма была аналогична восточным.⁴¹ В подцерковье вел один вход с западной стороны, из притвора; по данным Т. В. Гладенко, в XV в. были сохранены размеры и конструкция древнего портала.⁴² Собственно в церковь, на второй этаж, вели 3 портала — с запада, юга и севера. Все они найдены в натуре, западный и северный порталы реставрированы. Ни на фасадах, ни в пробных шурфах не удалось обнаружить следов крылец, ведущих к порталам. Т. В. Гладенко полагает, что крыльца были деревянные на стойках и их конструкция не связана со стенами здания.⁴³ С западной стороны устройство входа в церковь ей представлялось следующим образом: каменный одноэтажный притвор имел плоское покрытие, которое служило верхней площадкой лестницы, ведущей к portalу второго этажа, т. е. притвор служил каменным рундуком.⁴⁴ Поскольку стены притвора утолщены до 145 см, Т. В. Гладенко предположила, что они несли значительную нагруз-

³⁷ Гладенко Т. В. Научный отчет... С. 28.

³⁸ Там же. С. 8—9.

³⁹ Там же. С. 29.

⁴⁰ Седов Вл. В. Об иконографии внутреннего пространства новгородских храмов XIII — начала XVI века // Иконография архитектуры. М., 1990. С. 112. Есть веские основания полагать, что подцерковье, причем со сводами, появилось несколько ранее в церкви Николая 1438 г. Вяжицкого монастыря, однако она не дошла до нас. См.: Петров Д. А. Памятники XV—XVI вв. в Николо-Вяжицком монастыре: На основе анализа старинной голландской гравюры // Архитектура и строительство России. 1992. № 3. С. 22—23.

⁴¹ Гладенко Т. В. Научный отчет... С. 28.

⁴² Там же. С. 29—30.

⁴³ Там же. С. 9, 40.

⁴⁴ Там же. С. 9, 34—35. На чертеже с реконструкцией западного фасада (1964 г.) притвор не показан, а изображено легкое деревянное крыльцо на стойках, как на южном и северном фасадах. Вероятно, к этому времени исследование притвора еще не было завершено.

ку; по ее мнению, на стены притвора могла опираться каменная звонница («колокольница») с шестью колоколами, упоминаемая в описи 1625 г.⁴⁵ В целом рассуждения Т. В. Гладенко логичны и убедительны, но мы не беремся их детализировать.

Северный фасад был решен более скромно, чем остальные, здесь имелось меньше декоративных деталей. Подобный прием «экономии декора», когда фасады, обращенные в сторону окраин, оформлялись наимногом проще, нередко использовался в новгородском зодчестве XIV—XV вв. (церкви Иоанна Богослова на Витке, Петра и Павла в Кожевниках).

Кладка XV в. сохранилась до уровня верхних сводов, поэтому есть все данные для реконструкции облика памятника на 2-й строительный период (кроме барабана). Многие элементы реставрированы, другие даны в графической реконструкции (Т. В. Гладенко выполнены два чертежа реконструкции — западный и восточный фасады; см. рис. 2, 3). Фасады имели трехлопастное завершение (на западной стене следы его раскрыты в экспозиционном зондаже). Эта форма покрытия характерна для новгородского зодчества XIV—XV вв., является отличительной чертой «классического новгородского храма», но в данном конкретном случае ее появление нелогично. Дело в том, что владыка Евфимий (а затем его преемник Иона) много и целенаправленно строил «по старой основе» и почти всегда стремился в новом здании сохранить, повторить самые главные, ключевые особенности разобранной постройки — силуэт, образ, основные размеры. Эта серия строительных мероприятий Евфимия и Ионы получила даже название «реставраций». При сооружении «по старой основе» домонгольских храмов эти владыки восстанавливали архаичное для XV в. позаконное завершение (церкви Иоанна на Опоках, Успения на торгу, Ильи на Славне, Воскресения на Мячине и др.). Нет сомнений, что подобная архитектурная практика проводилась сознательно и входила в общую программу укрепления и возрождения новгородской старины и самобытности на фоне политической и культурной экспансии Москвы. Церковь Спаса в Русе в редакции XV в. в этом смысле является исключением: кроме повторения плана здесь нет ничего от домонгольского зодчества (однако повторение древнего планового решения привело к появлению уникальной особенности памятника — трехлопастного завершения при трех апсидах). Видимо к этому времени у Евфимия еще не окончательно сформировалась концепция «возобновления» архитектурных древностей: в довольно большом перечне храмов, возведенных «по старой основе», старорусский стоит вторым (первым был «реставрирован» собор Бориса и Глеба в Детинце, 1441 г.).⁴⁶

На первый взгляд, архитектура церкви Спаса XV в. полностью соответствует своему времени, строго следует традициям новгородского «классического храма» XIV — начала XV в. Нет ни одной формы или конструкции, которая не была известна раньше: завершение фасадов, порталы, окна, ниши, бровки над проемами, вкладные кресты, кирпичный декор (сочетание бегунца и поребрика), система сводов, форма столбов — все это находит близкие аналогии в

⁴⁵ Сергей, иером. Летопись... С. 13; Гладенко Т. В. Научный отчет... С. 10, 35.

⁴⁶ НПЛ. С. 421.

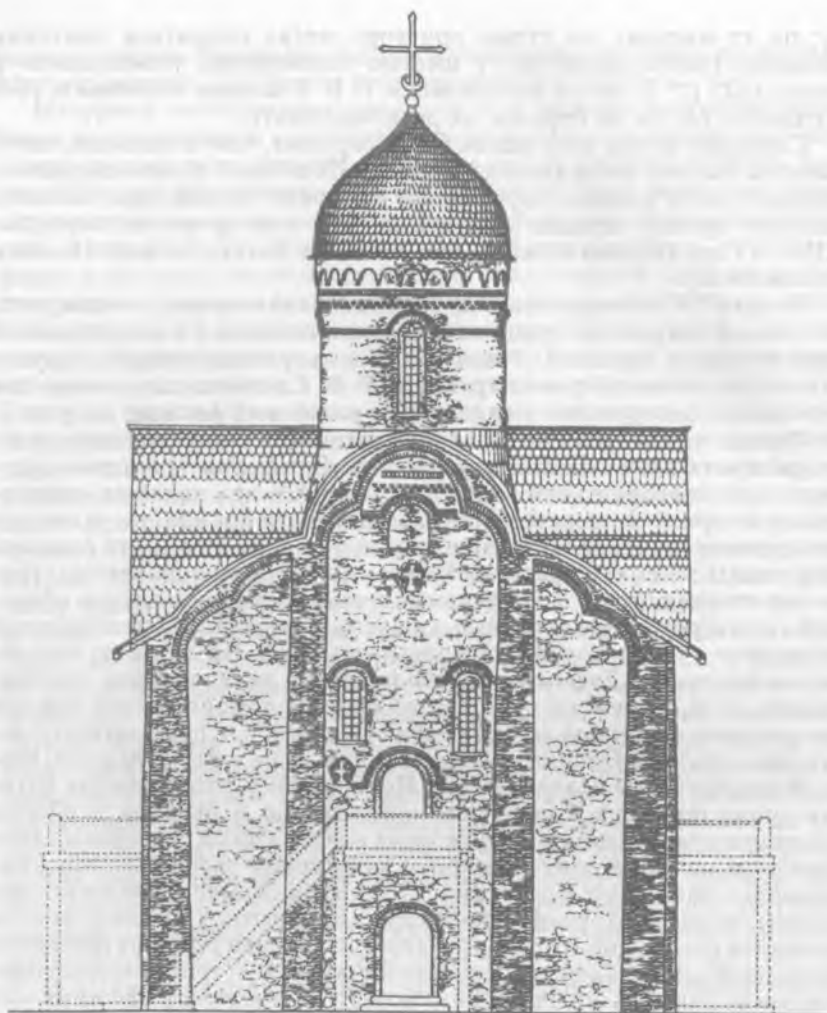

Рис. 2. Реконструкция Т. В. Гладенко на XV в. Западный фасад. 1964 г.

предшествующих зданиях. Однако при внимательном рассмотрении видно, что все эти элементы на фасадах и в интерьере получают здесь иное, новое звучание, акценты, скомпонованы в необычных сочетаниях. Здесь можно говорить об изменении стиля, повороте к новой архитектуре, которая получает развитие в таких памятниках, как церкви Двенадцати апостолов, Сергия Радонежского, Симеона Богоприимца, в не сохранившихся, но известных по изображениям

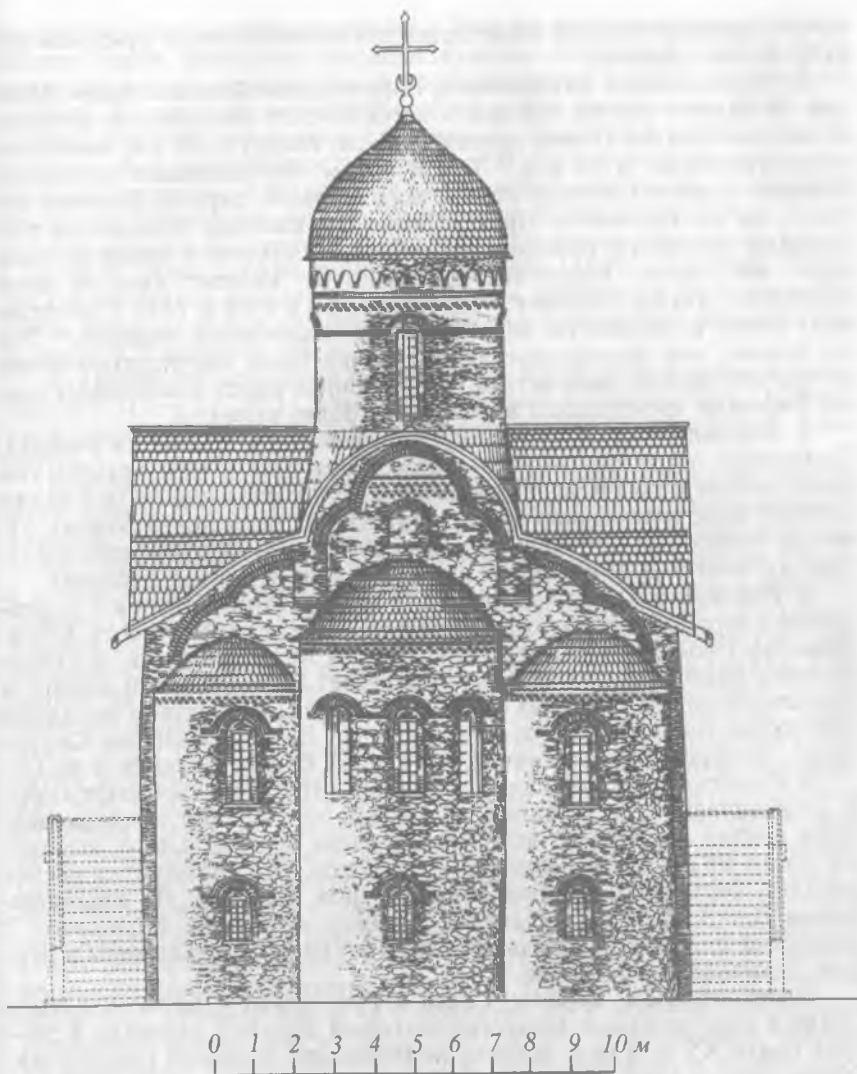

Рис. 3. Реконструкция Т. В. Гладенко на XV в. Восточный фасад. 1964 г.

и описаниям храмах 50-х — 70-х годов XV в. — церкви Лазаря, Николая в Гостинополье, Иоанна Богослова в Велебицах и др.

Особенности этого нового стиля можно сформулировать в следующих тезисах.

1. Более рациональное использование внутреннего пространства. Разделение храма на два этажа позволяет при тех же размерах по-

лучить дополнительные помещения для хозяйственных нужд или для устройства придела.

2. Стремление к динамичной, пирамидальной композиции фасадов. В данном случае это достигается за счет уменьшения ширины и выноса лопаток (внизу ширина 100 см, вверху — 80 см, вынос соответственно 29 и 16 см).⁴⁷ Такой прием использовался местными зодчими и ранее (церковь Рождества в Перыни, церковь Николая Белого), но эпизодически. При Евфимии он, кажется, становится тенденцией; подобную композицию мы видим позднее в храме Двенадцати апостолов. Вероятно, именно этот момент имел в виду летописец, когда, сообщая о строительстве в Русе в 1442 г., определяет вновь возведенную церковь Спаса «высочаише первой».⁴⁸ Это не значит, что домонгольская постройка была значительно ниже, скорее собранная, компактная, устремленная ввысь композиция храма Евфимия производила впечатление более высокой.

3. Кардинальная перегруппировка проемов и декора на фасадах. Появление порталов второго этажа и ведущих к ним крылец уже само по себе резко меняет привычный облик фасадов; но оно также диктует иное размещение окон (вводится ряд окон подцерковья), отказ от некоторых популярных ранее декоративных элементов (исчезает пятичастная композиция из окон и ниш в центре фасадов).

4. Изменение характера декора. Так, сочетание бегунца с поребриком в верхней части стен, появившись в последней четверти XIV в. (церковь Спаса на Ильине), долгое время не развивалось. В старорусском памятнике эта деталь приобретает более сильный акцент, а в последующих постройках становится главным средством фасадной декорации (церкви Сергия Радонежского, Лазаря, Дмитрия Солунского, Воскресения на Мячине, некоторые башни Детинца и др.).⁴⁹

5. Существенные новации в решении интерьера. Исчезают хоры, а следовательно, и лестница. Несмотря на наличие подцерковья, храм внутри производит впечатление очень вертикального, высокого, и в то же время просторного, «зального». Это достигается за счет круглых восточных столбов, высоких арок и сводов. По классификации Вл. В. Седова, это первый пример «храма на 4 пилонах».⁵⁰ Наиболее полно отличительные черты этого типа воплощены в церкви Двенадцати апостолов.

— Таким образом, церковь Спаса в Русе лежит у истоков нового стиля в новгородском зодчестве, который получил развитие в 50—70-х годах XV в. и был прерван ликвидацией боярской республики. Характеризуя этот стиль, Вл. В. Седов употребляет такие эпитеты, как «рафинированность», «элитарная линия архитектуры», «отточенность форм», «виртуозное композиционное мастерство», «элегантное построение интерьера».⁵¹ Правда, трудно сказать с опреде-

⁴⁷ *Гладенко Т. В.* Научный отчет... С. 39.

⁴⁸ НПЛ. С. 422.

⁴⁹ *Седов Вл. В.* Церковь Лазаря 1461 г. и новгородская архитектура времен архиепископов Евфимия и Ионы // Архив архитектуры. Вып. 4: Новгородские древности. М., 1993. С. 45—46.

⁵⁰ *Седов Вл. В.* 1) Об иконографии внутреннего пространства... С. 112—113; 2) Церковь Лазаря... С. 50.

⁵¹ *Седов Вл. В.* Церковь Лазаря... С. 50, 53.

ленностью, что именно памятник в Русе является родоначальником нового стиля, поскольку предшествующие постройки 1420—1430-х годов до нас не дошли. Но из сохранившихся зданий он является первым. Зарождение же нового стиля в зодчестве логичнее всего связывать именно с личностью Евфимия II, известного своей энергичностью, целеустремленностью, широтой кругозора, интеллектуальным окружением, поисками и экспериментами во всех областях культуры. Интересно, что Евфимий покровительствовал Русе, в его правление здесь построено сразу несколько каменных храмов: кроме Спасской, также церкви Николая в Кречеве 1443 г., Дмитрия 1445 г. (не сохранилась), вероятно, церкви Мины мученика и Николая в Косино, которые точно не датированы, но по характеру архитектуры относятся к середине XV в.

3. Третий строительный период (XVII в.). В годы шведской оккупации (1611—1617 гг.) Спасский монастырь в Старой Русе серьезно пострадал, хотя конкретный характер повреждений зданий неизвестен.

Вскоре после заключения Столбовского мира в обители начаты масштабные строительные работы. Большинство дореволюционных авторов, писавших о Старой Русе, единогласны в датировке этих работ: они сообщают, что в 1628 г. «возобновлена» церковь Спаса, а в 1630 г. сооружены каменные колокольня (вернее, храм «под колокола») и церковь Сретения с трапезной и братскими кельями.⁵² Ссылка на источники при этом не приводится, но из контекста можно понять, что сведения почерпнуты из монастырского архива. Указанная дата (1628—1630 гг.) вызывает некоторые сомнения. После «смутного времени» крупное каменное строительство велось, начиная с 1620-х годов, в первую очередь в Москве, Подмосковье (в богатых вотчинах), в Поволжье (которое было разорено не так сильно). Новгородский регион был опустошен почти полностью, и в этой ситуации представить значительное каменное строительство — даже не в Новгороде, а в его далеком пригороде — довольно трудно. Оживленное строительство в Новгороде приходится на середину — вторую половину XVII в., более ранние сведения о сооружении больших каменных зданий нам неизвестны. Работы в Старой Русе предстают неким исключением. Отчасти этот феномен можно объяснить царскими пожалованиями на вотчины. Например, «в 1623 году, по прошению игумена Авраамия с братиею, царь Михаил Феодорович пожаловал монастырю пустошь Выстрикино — на фимиам, ладан и на церковные строения», а в 1626 г. «дал монастырю жалованную грамоту на монастырскую вотчину, рыбные ловли и всякие угодыя, взамен грамот, дарованных прежними Государями и великими князьями, утерянных вместе с монастырской казной во время разорения монастыря шведами».⁵³ Но, как следует из того же автора, даруемые

⁵² *Макарий*, архим. Церковно-историческое описание города Старой Русы... Новгород, 1866. С. 42; *Полянский М. И.* Иллюстрированный историческо-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород, 1885. С. 300—301; *Сергий*, иером. Летопись... С. 15, 124—125. Каменная церковь Рождества с притвором, по некоторым данным, появилась еще раньше, в 1620 г. (см.: *Сергий*, иером. Летопись... С. 96).

⁵³ *Сергий*, иером. Летопись... С. 14—15, 124—125.

вотчины также были разорены.⁵⁴ Более реален и весом денежный вклад «200 рублевиков», сделанный в 1628 г. самим же игуменом обители Иосифом «на поминовение».⁵⁵ Возможно, были и еще какие-то вклады, сведения о которых до нас не дошли. Несмотря на сомнения, указанную датировку следует принять, тем более, что других наши источники не предлагают. Косвенным подтверждением восстановления церкви Спаса в 1628 г. служит тот факт, что натурными исследованиями установлен еще один строительный период, имевший место в конце XVII в. (см. ниже); следовательно, между двумя перестройками должен был пройти довольно значительный срок.

Итак, вскоре после «шведского разорения» памятник был решительно переделан с приближением его облика к архитектуре данного периода. Разобраны и возведены заново барабан, своды, арки, западные столбы, изменено завершение основного объема, размещение и форма многих окон, южный портал превращен в оконный проем. Храм остался двухэтажным, но деревянное перекрытие заменено сводчатым;⁵⁶ в подцерковье размещены братские кельи.⁵⁷ От постройки XV в. оставлены стены четверика и отдельные элементы (окна восточного фасада). Некоторые проемы других фасадов, детали декора в завершении средних членений). Углы евфимьевского храма надстроены, и сделано характерное для XVI в. палаточное покрытие. Притвор стал значительно больше по размерам и был разделен сводами на два этажа. Он располагался теперь во всю ширину западного фасада, в длину (по оси восток—запад) увеличен на 1 м, внутри состоял из трех помещений; в северной трети устроена парадная каменная лестница, ведущая в главный храм и в церковь «под колоколы», которая примкнула с северной стороны.⁵⁸ Большинство оконных проемов перебито, размеры их увеличены, они получили новое обрамление в виде фланкирующих полуколонн, стянутых сверху валиком килевидной очертания. Старый декор по возможности сохранен (ниши в завершении фасадов и композиции бегунца с поребриком над ними, трехступчатый архивольт, повторяющий контур верхней лопасти стены, вкладные кресты), но введены и новые элементы: широкий нарядный фриз в виде ряда нишек с орнаментом из лекального кирпича и бегунца, проходящий по крайним третям фасадов и по апсидам, большие килевидные ниши в завершении боковых членений фасадов, довольно насыщенное и интересное убранство барабана. В декоре широко использован лекальный кирпич (выявлено 12 типов). Полы сделаны кирпичными. Стены храма оштукатурены и побелены (рис. 4).⁵⁹

Нужно отметить, что зодчий очень деликатно подошел к архитектуре старой постройки и гармонично увязал ее с новыми веяниями в русском зодчестве. Это сочетание форм XV и XVII вв. придает

⁵⁴ Там же. С. 125.

⁵⁵ Там же. С. 128.

⁵⁶ *Гладенко Т. В.* Научный отчет... С. 45—50.

⁵⁷ *Сергий, иером.* Летопись... С. 14.

⁵⁸ *Гладенко Т. В.* Научный отчет... С. 10—17.

⁵⁹ Там же. С. 45.

памятнику особое своеобразие и выразительность. Несмотря на совершенно изменившийся силуэт, в храме XVII в. в значительной степени сохранена основная архитектурная идея евфимьевского здания — устремленная вверх, острая, динамичная композиция. Этому способствуют утонение угловых надложенных лопаток, сочетание большой центральной и меньших боковых арок закомар, некоторые мотивы декора (килевидная форма ниш и наличников, разрыв широкого фриза в средних третях).

Возникает вопрос: кто строил в Спасском монастыре в 1620-е годы, если Новгородская земля была разорена? Вряд ли это была новгородская артель. В XVII в. строительное дело в Новгороде переживает упадок, все известные нам крупные работы проводятся приглашенными из других регионов мастерами. В основном это были артели из Поволжья (Ярославль, Кострома, Нижний Новгород), Москвы, Тверского края.⁶⁰ Правда, мы располагаем сведениями за последнюю треть XVII в., но тем более сомнительно существование местной строительной артели в 1620-е годы. Этот вывод подтверждается и использованием некоторых декоративных деталей, которые встречаются только в церкви Спаса и больше не повторяются в новгородских постройках (фриз из лекального кирпича в завершении барабана).

4. Четвертый строительный период. Через сравнительно небольшой промежуток времени последовала еще одна перестройка храма. Об этих работах в источниках нет никаких упоминаний, вся информация получена в результате натурных исследований. В силу этого имеется очень мало данных для точной датировки перестройки. Главным датирующим моментом является характерная форма появившихся в это время наличников некоторых окон (наличники «разорванным фронтоном»). Данный тип наличника встречается в Новгороде неоднократно, причем бытует он довольно долго. Нам известны следующие аналогии: церковь Благовещения на Мячине (перестройка 1682—1684 гг.), Иоанна на Опоках (недатированная перестройка, вероятно, после пожара 1696 г.), Рождества на Молоткове (недатированная перестройка), западная пристройка церкви Успения в Колмове (1686—1687 гг.), Воскресенский собор Деревяницкого монастыря (1698—1700 гг.), церковь Георгия на Торгу (1750-е годы). Наибольшее сходство наблюдается между наличниками церкви Спаса и первых трех памятников в Новгороде, поэтому датировать появление подобной формы в Старой Русе можно примерно 90-ми годами XVII в. Этот вывод косвенно подтверждается и строительной ситуацией в городе в этот период. Выше показано, что для крупных работ приглашались артели из других регионов. Для перестройки Спасского храма вряд ли специально нанималась артель; вероятно, игумен монастыря воспользовался мастерами, работавшими в городе по другому заказу. В интересующий нас период в Старой Русе велись крупные работы по строительству церкви Троицы (1680—1684 гг.), Воскресенского собора (1692—1696 гг.) и цер-

⁶⁰ См., например: *Иванов В. И.* Вязищи. Л., 1978. С. 10; *Секретарь Л. А.* Знаменский собор // Где святая София, там и Новгород. СПб., 1997. С. 349; *Кондратьева Е. В.* О строительстве храмов по образцу в XVII в. // НИС. СПб., 1993. Вып. 4 (14). С. 298—301.

Рис. 4. Реконструкция Т. В. Гладенко на 1628—1630 гг. Южный фасад. 1968 г.

кви Николая (1710 г.).⁶¹ В церквах Троицы и Николая похожих на личников нет, следовательно, остается Воскресенский собор (здесь декор XVII в. не сохранился); вероятно, после строительства собора артель была приглашена для работ в Спасском монастыре.

По данным Т. В. Гладенко, в это время на главном монастырском храме были выполнены следующие работы: 1) заложены пазухи между палатками (фронтонами) под один уровень и сделана вальмовая кровля, что очень обеднило силуэт здания (заметим, что четырехскатные кровли получают распространение в Новгородской области именно с 1690-х годов: соборы Александро-Свирского монастыря

⁶¹ *Микарий*, архим. Церковно-историческое описание... С. 2, 8, 26.

Рис. 5. Вид церкви Спаса с юго-востока. Фото 1930-х годов.
Архив НФИ «СПР». № 22181.

1695—1698 гг., Деревяницкого монастыря, Знаменский собор после пожара 1696 г. и др.); 2) расширены и выделены богатыми наличниками некоторые окна XV—XVII вв. — два на южном фасаде, одно на восточном; некоторые другие проемы расширены, но сделаны без наличников, причем срублены и декоративные бровки XV в.; два боковых окна средней апсиды заложены; 3) на барабане уничтожен нарядный аркатурно-колончатый пояс; 4) с северной стороны к храму примкнула каменная двухэтажная пристройка (библиотека и ризница), связавшая его с церковью Рождества; вход в пристройку сделан из колокольни и притвора Рождественской церкви.⁶²

⁶² Гладенко Т. В. Научный отчет... С. 51—53.

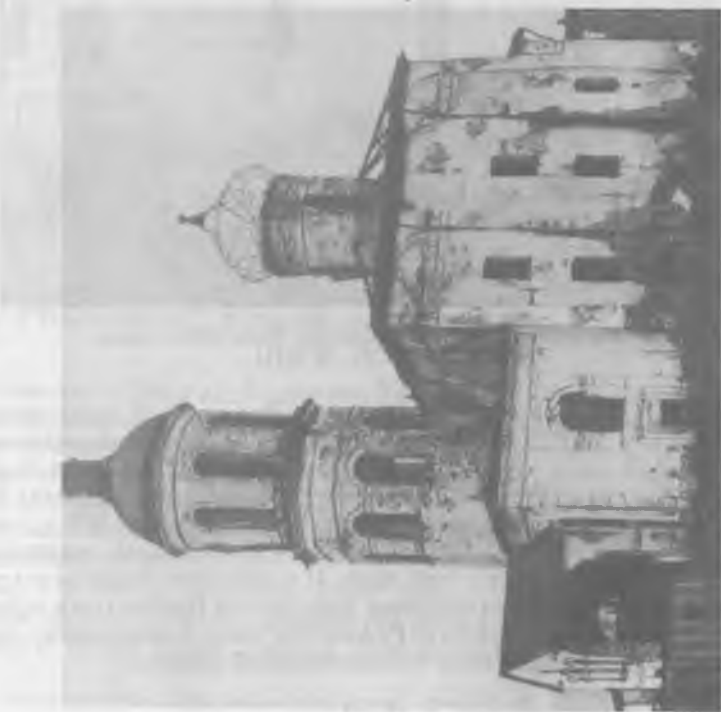

Рис. 6. Вид с юга. Фото 1948 г.
Архив НФИ «СПР», № 2631.

Рис. 7. Вид с северо-востока. Фото 1961 г.
Архив НФИ «СПР», № 10283.

В целом архитектурные достоинства данного строительного периода неоднозначны. С одной стороны, мастера стремились к нарядности, декоративности (богатые наличники), но, с другой, некоторые более ранние детали убранства были уничтожены. Уже не чувствуется того бережного отношения к предшествующим формам, которое проявил зодчий в 1628 г.

5. Пятый строительный период. Под этим определением понимается целая серия ремонтов и перестроек, проводившихся в основном в первой половине XIX в. На этом этапе работы велись уже без учета старой архитектуры, с целью придания фасадам геометрической «правильности» или удовлетворения функциональных нужд. Почти полностью уничтожен (срублен или заштукатурен) декор фасадов и барабана, оставлены лишь профилированные арки закомар, квадратные ниши фриза четверика и апсид, оконное обрамление конца XVII вв. на средней апсиде и верхний фриз барабана (рис. 5). Изменено размещение оконных и дверных проемов, старые окна перебиты или заложены, появилось несколько новых; проемы теперь располагались строго геометрически по горизонтальным и вертикальным осям. Почти все окна получили лучковое завершение. Бокковые апсиды надложены под один уровень, и над ними устроена общая кровля. Разобраны наружные стены притвора, новый притвор стал больше по размерам (11 × 7,2 м). Вскоре к нему примкнула еще одна западная пристройка, куда была вынесена лестница. В западной стене основного объема пробиты большие арки для сообщения с притвором. В результате всех этих «благолепных» перестроек облик памятника изменился до неузнаваемости, были ликвидированы или замаскированы почти все следы древней архитектуры.

6. Реставрация памятника. В годы Великой Отечественной войны храм получил серьезные повреждения: были утрачены все деревянные конструкции, кровли, в барабане зияла большая пробоина, имелись значительные разрушения и утраты кладки в верхних частях и в поздних пристройках. Поскольку долгое время здание не ремонтировалось и пустовало, его состояние продолжало ухудшаться и к 1961 г. оценивалось как остро аварийное (рис. 6, 7).

Комплекс реставрационных работ начался в 1961 г. одновременно по четырем памятникам монастыря (автор исследований и проекта, научный руководитель — архитектор Т. В. Гладенко). Инженерные мероприятия по укреплению и первоочередные строительные работы велись параллельно с натурными исследованиями и составлением проекта. До 1968 г. восстановление монастырского ансамбля шло активно. Затем работы замедлились и были закончены в 1973 г. (рис. 8).

Натурное исследование главного храма принесло блестящие результаты — удалось выявить почти все формы XV—конца XVII в., а частично и первоначальные — XII столетия, четко прослежен характер многочисленных перестроек. Учитывая это, было решено применить аналитический метод реставрации с выявлением всех разновременных элементов, для которых имелось достаточно данных. После проведения реставрационных работ фасады приобрели информативный характер, демонстрируя сложную, богатейшую строительную историю памятника. За основу взят третий строительный

Рис. 8. Вид Спасо-Преображенского монастыря в процессе реставрационных работ.
Фото начала 70-х годов. Архив НФИ «СПР», № 22194.

период (1620-е годы), который дополнен более ранними и более поздними формами. По хорошо сохранившимся следам восстановлено палаточное завершение XVII в., фриз четверика и апсид, декор барабана, некоторые окна этого времени. На южном фасаде представлены формы трех строительных этапов: некоторые окна и декор XV в., два окна 1628 г. и два окна конца XVII в. Западный фасад дан в основном в редакции Евфимия: здесь оставлен большой экспозиционный зондаж, на котором можно видеть подлинную нештукатуренную стену XV в. с трехлопастным завершением, двумя порталами и декором. Восточный фасад реставрирован по образцу XVII в., с более ранней системой окон (они не были переделаны в это время); близ центрального окна сохранен фрагмент наличника конца XVII в., который, однако, к 1980 г. был по недоразумению сбит. На северном фасаде также экспонирована архитектура трех периодов — XV в. (два нижних окна и портал), XVII в. (верхняя часть) и XIX в. (два верхних окна). Форма главы оставлена без изменения, она относится к концу XVIII в. В интерьере реставрирован первоначальный синтрон, раскрыты аркосолии XV в. Притвор восстановлен в формах XVII в., хотя натуральных данных здесь было меньше (не установлены схема расположения проемов, их форма, характер декора фасадов). Таким образом, при реставрации выявлены формы всех пяти основных строительных периодов. В облике здания ныне доминирует архитектура первой половины XVII в. с ее стремлением к гармонии и бережным отношением к старым частям, и это смягчает некоторую пестроту и эклектизм разновременных элементов.

Реставрацию Т. В. Гладенко следует признать весьма удачной и плодотворной. Это тот редкий случай, когда после вмешательства реставраторов все аспекты памятника (исторический, художественный, функциональный, градостроительный) значительно усилились, получили большее раскрытие, и при этом не утрачен ни один сколько ценный подлинный элемент.

Итак, представленный в статье материал, как нам кажется, полностью подтверждает заявленный в начале тезис о важном месте памятника в истории древнерусского зодчества, причем не одного только периода, а по крайней мере трех: конца XII в., середины XV в. и первой половины XVII в. Каждый из этих этапов — сложный, переломный, и поэтому любые новые, необычные явления в архитектурном процессе приобретают особое значение.